

Московское купечество в Отечественной войне 1812 г.

Автор: А. В. Семёнова

Семёнова Анна Владимировна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

В конце XVIII - первой половине XIX в. происходило становление человеческой личности новой эпохи с внесловными ценностями и моралью, шел процесс формирования национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеей общественного служения, гражданского долга. Мысль об ответственности богатства все более утверждалась в сознании русского купечества, появлялись новые черты в купеческой благотворительности, расширялась культурная сфера приложения капиталов. Все это сочеталось с формированием самосознания купечества как важной части российского общества, приносящего государству пользу своей деятельностью.

Одновременно возрастала ценность знаний и образования. Купцы осваивали новый комплекс идей, включая просветительскую философию. "Разум управляет светом, а не фортуна", - замечал один из них.

Для менталитета купечества того времени характерны противоречивые тенденции: с одной стороны - сохранение приверженности православию, концентрация интересов на личном предпринимательстве, известная аполитичность большинства купцов, их традиционализм в быту; с другой - рост образованности в этой среде, расширение культурных интересов, тяга к чтению, к идеям Просвещения. Происходило формирование гражданских качеств, чувства долга перед Родиной. Эти настроения в полной мере проявились во время Отечественной войны 1812 года.

Сопrotивление нашествию французской армии было не только важным военно-политическим событием начала XIX в., принесшим России славу победительницы Наполеона, но и фактором, оказавшим огромное влияние на общественную жизнь страны. Патриотические настроения охватили все слои общества, но по размерам пожертвований на военные нужды ни одно сословие не могло сравниться с купечеством. Александр I в манифесте от 6 июля 1812 г., призывая к созданию ополчения, обращаясь к купечеству, напомнил о подвиге нижегородского старосты Козьмы Минина в начале XVII в. и высказал надежду, что его дух живет в каждом "гражданине" ¹.

С первых дней войны купцы жадно интересовались событиями. В Гостином дворе они читали вслух газеты, собирая вокруг себя толпу слушателей ².

Приезд Александра I в Москву в июле 1812 г. проходил в особой приподнятой атмосфере. 15 июля происходили его встречи с дворянством и купечеством. Ф. В. Ростопчин оставил свидетельства эмоционально-патриотического восприятия речи Александра I представителями московского купечества ³. Отнюдь не питая теплых

миллионы", - заметил он, обращаясь к коммерсантам ⁴. Ростопчин не ошибся.

Царь писал Н. Н. Салтыкову, что московские дворяне жертвуют до 3 млн. руб., купечество же - "слишком до десяти"⁵. На упоминавшейся встрече с Александром I московские купцы провели подписку, давшую за полчаса 2 млн. 400 тыс. руб. (Алексеев - 50 тыс., Губин - 25 тыс., Корзинкин - 25 тыс., Солдатенков - 25 тыс. рублей.)⁶ Права, одна современница заметила, что "дворяне жертвовали, вооружая на свой счет ратников из своих крестьян от 25 человек - одного, а купечество - деньгами, всякий по своему усердно. Весьма многие жертвовали по 20, 30 и 50 тысяч рублей"⁷. Еще до приезда царя московское дворянство и купечество собрало 1 млн. руб. для покупки волов, необходимых для армии. Сохранились многочисленные списки со сведениями о размерах денежных пожертвований купцов и вкладов вещами, необходимыми для армии. Так, первостатейные и первогильдейские купцы жертвовали по 10, 25, 50 и более тыс. руб., купцы второй гильдии вкладывали, как правило, от 2 до 5 тыс. рублей. Среди них выделялись Петр Антипин, пожертвовавший 25 тыс. руб., и Михаил Жильцов, внесший 20 тыс. рублей. Третьегильдейцы вносили пожертвования в 1 - 3 тыс. рублей⁸

Для обмундирования воинов жертвовали тысячи аршин сукна (Геннадий Осипов, Ефим Жуков, Максим Ковров и другие), тысячи пар сапог (Семен Бородин), тысячи шпор, погонных крючков, крестов и других вещей⁹. В 1818 г. эти купцы были награждены бронзовой медалью в честь победы над Наполеоном. Жертвовались и другие предметы: посуда, подсвечники, хрустальные стаканы, трубки, сахар, чай, вино. Купцы вносили и оружие: пушки, лафеты¹⁰. Еще до приезда царя в Москву купец А. Г. Савостин пожертвовал на нужды войны все свое имущество.

Во второй половине августа 1812 г. по почину московских "купеческих детей" Платона Павлова и Герасима Семёнова московские купцы стали бесплатно печь для войска "из собственной муки" хлеб и заготовливать сухари. Ростопчин в письме к московскому городскому голове А. А. Куманину просил "избрать в каждой части города усердных граждан и препоручить им иметь смотрение за принятием муки, раздачею, печением сухарей..., также в каждой части приискать удобный для складки сухарей дом..."¹¹.

Однако не у всех купцов патриотические настроения соединялись с жертвованиями. Имелись примеры иного рода: по свидетельству очевидцев, в 5 - 6 раз в московских лавках были подняты цены на оружие, подорожали продукты.

Не все купцы, желавшие содействовать разгрому неприятеля, ограничивались денежными жертвованиями. В документах упоминается партизанский отряд под руководством купца Никиты Минчинкова, действовавший в районе г. Поречья Смоленской губернии. За пленение адъютанта генерала Пино "со всеми его депешами" Минчинков был награжден Георгиевским крестом. Его отряд состоял из 64 человек. В отряде было 50 мещан, двое дворовых людей, один священник, двое лиц духовного звания, девять купцов и купеческих сыновей. Отряд действовал с 14 августа по 1 декабря 1812 года¹².

Война принесла горе и разорение особенно тем купеческим семействам, которые жили в городах, захваченных французами. Грабеж лавок с товарами, домов с припасами и утварью нередко приводил к обнищанию и замиранию "дела". Непосредственно купеческих свидетельств о событиях 1812 г. сохранилось крайне мало, тем более ценны редкие мемуары, воспоминания людей, вышедшие из купеческой среды. Так, Н. Ф. Котов, московский купец третьей гильдии, владелец шляпного производства, выехавший из Москвы в Ярославль, составил со слов очевидцев описание бесчинств захватчиков: "Французы все-таки грабят, не только рядовые, но и чиновники под видом сбережения, ибо в сие время учрежден был только "вид" правительства... Иной француз или поляк сидит на фуре в парчовой или другой ризе, правит лошадыми или в какой-нибудь на черно-буром меху дамской епанче или салопе стоит на часах, - ибо они так бедны, наги и голодны и обносились, что как хлеб, так платье все

отнимается, лишь бы кто что завидел, ни даже грудному ребенку не оставит. Имущество нигде не могло уцелеть, ни в каких кладовых. Ибо французы дом осматривали по частям" ¹³.

стр. 152

Вернувшись в город после изгнания захватчиков Котов подсчитывал убытки, разбирал свой почти полностью уничтоженный товар, "все почти - лоскутки, потому что по шляпам ходили, как по сему, и на мятых шляпах ворочены тяжелые сундуки с расколотыми крышками" ¹⁴. Воспоминания московского купца рядом с тяжелыми картинами расправ оккупантов с населением содержат и забавные сценки с описанием находчивости московских жителей: "Один мясник вынес из Москвы 30 руб. целковых, коего несколько раз обыскивали. Он догадался: выдолбил большую редьку и вложил в нее деньги. И с оною редькой шел по Москве, имея в руках ножичек маленький, и когда станут его тревожить, то он от редьки отрежет ломтик и подаст французу. То он скажет: "О, недобре русский"" ¹⁵.

Чтобы возобновить производство, Котову пришлось искать кредит. По подсчетам современников, от московского пожара купеческие и мещанские лавки пострадали даже больше, чем жилые дома: из 8521 каменных и деревянных лавок после пожара осталось только 1368, то есть 16 %. Почти в два раза уменьшилось количество торговых рядов ¹⁶.

В архивах отложилось множество дел о перечислении московских купцов третьей гильдии в мещане "вследствие розорения во время нашествия французских войск в 1812 году" ¹⁷. Многие подавали прошения о возмещении убытков.

Были, однако, и некоторые исключения. Так, ситценабивная фабрика Прохорова и Рязанова пострадала меньше, чем другие московские предприятия, в связи с тем, что оставшийся в Москве владелец В. И. Прохоров нашел покровителя в лице французского полковника. Он также "не допустил до разграбления последний запас муки и картофеля", чем питались Прохоровы. Фабрика находилась в западной части города, которая меньше пострадала от пожаров. Этот же французский полковник, уходя из Москвы, "заходил проститься с хозяином Василием Ивановичем и подарил его сыну Ивану Васильевичу подзорную трубу" ¹⁸. Обо всем этом сообщалось на чугунной доске, вделанной в стену дома, где спасался Прохоров.

Тех же купцов, которые по своей воле или по принуждению захватчиков сотрудничали с французами, ожидали немалые испытания. Крестьяне села Гуслицы (одного из старообрядческих центров) убили русских купцов, приехавших из Москвы для закупки нужного французам провианта.

В сложном положении оказался известный московский купец книгоиздатель Г. Н. Кольчугин. В 1812 г. он с семьей не успел покинуть Москву и потерял почти все имущество. По его собственным словам, он был назначен французами в муниципалитет под угрозой расстрела. "На семейном совете решили манкировать делами, стараться ничего не предпринимать", - вспоминал Кольчугин. Он знал несколько европейских языков, что было большой редкостью в купеческой среде, и был назначен "переводчиком при конвое для сбора продовольствия". Кольчугина вполне могла ожидать участь купцов в Гуслицах, и он сам "боялся быть убитым, если конвой повстречается с русскими". "Второй ужас" для него состоял в самой необходимости "участвовать в продовольствии неприятеля". Это "было бы против присяги Государю, Отечеству и Совесть" ¹⁹. Объявив себя больным, Кольчугин отказался сотрудничать с французами.

После вступления в Москву русской армии всех, кто сотрудничал с захватчиками, подвергли допросам. Кольчугин был оклеветан перед Ростопчиным и находился под подозрением до 1815 г., но оставался "тверд и бесстрашен", как писал он в письме к министру юстиции Д. П.

Трошинскому. Прося защиты у министра, Кольчугин говорил о себе: "потерю имения, довольно значительного, я считал нужною жертвою и данью всегда любезному Отечеству; смерть - обыкновенным человеческим уделом". Однако сам факт подозрения в измене глубоко оскорблял издателя. "Я русский, - восклицал он, - сего уже довольно, чтобы не быть изменником" ²⁰. В 1815 г. он был освобожден от следствия и суда и вновь избран в Московскую учетную контору маклером, включился в общественную жизнь Москвы, стал членом совета Коммерческого училища ²¹.

Мужественно вел себя московский купец первой гильдии П. И. Находкин, назначенный французами городским головой. Источники различного происхождения сообщают почти в одних выражениях о заявлении Находкина при его первом посещении муниципалитета, созданного французами. Он подчеркнул, что "ничего не

стр. 153

будет делать против интересов Отечества" ²². Позиция Находкина подтверждается свидетельством француза Домерга. Он передал слова этого московского купца: "Я должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего государя. Иначе мы скорее все умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный" ²³.

В Москве долго бытовала легенда о связях, установившихся между купцами-старообрядцами Преображенского кладбища и французской администрацией во время ее нахождения в Москве. Согласно легенде, видимо опасаясь грабежа (а богатства были немалые, именно здесь впоследствии Ф. А. Гучков получил свой "сундук с миллионами" ²⁴), федосеевцы отправили делегацию к французам. Заявив, что "признают императора Наполеона своим государем", посланцы поднесли французам тарелку с золотом и огромного быка. В ответ им, якобы, был предоставлен караул французских солдат для охраны кладбища. В федосеевской среде сохранялось мнение о том, что кладбище посетили Наполеон и Мюрат и обещали свою защиту. Эти легендарные события были отражены как подлинный факт в полицейской истории Преображенского кладбища 1844 года. Оттуда они перекочевали во многие сочинения историков московского старообрядчества и Отечественной войны 1812 года ²⁵. Однако еще в 1912 г. было проведено специальное исследование, доказавшее недостоверность этих фактов ²⁶.

После изгнания французов купцы как и другие жители, выехавшие из Москвы, постепенно возвращались в город. Свешников в письме от 4 декабря 1812 г. сообщал: "Слава богу, мы опять в Москве, хотя она обезображена, но мила" ²⁷. Купцы одними из первых приспособлялись к жизни в разоренной неприятелем Москве. Уже в ноябре 1812 г. в городе началась бойкая торговля из временных лавок, которые соорудили возвратившиеся в Москву купцы. Всего было построено более двух тысяч таких сооружений. В первых числах декабря Свешников давал в письме свой новый адрес: "...вновь построенные лавки на Красной площади" ²⁸. Впоследствии в 1813 г. они были снесены как нарушающие архитектурный облик города. После окончания войны особо отличившиеся в борьбе с неприятелем московские купцы были награждены бронзовыми медалями, которыми они гордились и предпочитали изображать себя на портретах с этими наградами ²⁹.

Переживания в год нашествия, материальные потери, радость и торжество в связи с победой, сознание своего реального вклада в дело разгрома врага - все эти чувства, переплетаясь, способствовали формированию гражданских позиций купечества, чувства патриотизма. Пример подвига Минина двухсотлетней давности оживал в памяти в начале XIX века. Купцы были активными жертвователями на памятник Минину и Пожарскому, установленному в феврале 1818 г. на Красной площади (это событие находилось в прямой связи с победоносным

окончанием войны 1812 г.). Московское купечество устроило в эти дни большой обед для офицеров гвардии, пришедшей в Москву на торжества в честь закладки храма Христа Спасителя³⁰.

Купеческие пожертвования в XIX в., связанные с военными нуждами, продолжали устоявшуюся традицию. Еще в 1809 г. московское купечество передало 15 тыс. руб. на благотворительные цели в связи с окончанием войны со Швецией. В 1817 г. купцы делали пожертвования на памятник русским воинам, погибшим при взятии Казани в 1552 г., а в 1825 г. собирали средства на возведение памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле. В 20-е гг. XIX в. московская купчиха Мария Кирьякова передала более 20 тыс. руб. в пользу раненых и рядовых воинов³¹. Этот список можно продолжить. Так в традиционной купеческой благотворительности, связанной, прежде всего, с системой православных ценностей, формировалось и укреплялось особое направление - гражданско-патриотическое.

Примечания

1. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. 1962, с. 15.
2. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М. 1862, с. 14.
3. РОСТОПЧИН В. Ф. Ох, французы. М. 1992, с. 270.
4. БЕРЛИН П. Русское купечество и война 1812 г. Отечественная война и русское общество. Т.V. М. 1912, с. 115.

стр. 154

5. Московское дворянство в 1812 г. М. 1912, с. 270.
6. История Москвы. Т. 3. М. 1954, с. 85; История Москвы. М. 1980, с. 114.
7. БЕРЛИН П. А. Ук. соч., с.115.
8. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 2, оп. 1, д. 618, л. 1 - 26.
9. Там же, л. 27 - 28об.
10. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. III. М. 1897, с. 127.
11. ЦИАМ, ф. 12, оп. 1, д. 65, л. 1 - 2.
12. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 181.
13. 1812 год в воспоминаниях современников. М.1995, с. 41; Купеческие дневники и мемуары конца XVIII-первой половины XIX века. М. 2007, с. 38.
14. 1812 год в воспоминаниях современников, с. 45; Купеческие дневники и мемуары..., с. 43.

15. Купеческие дневники и мемуары..., с. 43 - 44.
16. Сын Отечества. 1814, N 39, с. 36 - 38.
17. ЦИАМ, ф. 2, оп. 4, д. 39, 40, 76, 77.
18. Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799 - 1915. М. 1996, с. 28.
19. Русский архив. 1879, N 9, с. 49 - 50.
20. Там же, с. 60 - 61.
21. ЦИАМ, ф. 2, оп. 1, д. 203, л. 20.
22. История Москвы. XIX век. М. 1997, с. 37.
23. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л. 1991, с. 238.
24. КЕРОВ В. В. Династия старообрядцев-предпринимателей. Гучковы. В кн.: Старообрядчество. История. Традиции. Современность. М. 1995, с. 23.
25. СИНИЦЫН П. В. Преображенское и окружающие его места, их прошлое. М. 1997. с. 210-211.
26. ДРУЖИНИН П. О пребывании французов в Московском Преображенском богадельном доме в 1812 году. Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Т. II. СПб. 1912, с. 28 - 53; РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма. Вопросы истории религии и атеизма. М. 1950, с. 245 - 246.
27. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, ч. V, с. 178.
28. Там же, ч. II, с. 11; ч. V, с. 178.
29. См., например, иллюстрации к книге "Купеческие дневники и мемуары конца XVIII - первой половины XIX в."
30. Об этом сообщал, в частности, в письме к матери из Москвы будущий декабрист, член тайных обществ Никита Муравьев. См.: Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813 - 1826. М. 2001, с. 100.
31. ЦИАМ, ф. 2, оп. 1, д. 49, 441, 962.